УТОПИЧЕСКОЕ УТЕШЕНИЕ

То не сердце заныло под ребрами —
Невпопад перепады давления.
Опасение вкрадчивой коброю
И пророческих снов наваждение.

То не барские, братцы, объятия.
Рубиконы, препоны, предательства
Мимоходом затерлись в приятели,
По привычке виня обстоятельства.

То не крыльям просторы наскучили.
И не плечи, от горя поникшие.
К ядовитым усмешкам приучены
Губы, от поцелуев отвыкшие.

И не книги, что напрочь зачитаны,
Пребывают в душе утешением.
А поэзии выдох молитвенный,
Не подвластный земным искушениям.

ДВОЕ

Облюбовав для строк двадцатый век,
Не рассчитав по-богатырски силы,
Они гадали — что есть человек
В мятущейся растерзанной России.

Один прославил русскую деревню.
Другой лишь Революции был верен.

Один любил Россию, как царевну.
Другой в любви к России был умерен.

Пусть кудри одного подобны злату.
Второй черноволос, горлан циничный.
На гениев Россия так богата,
Но судьбы их России безразличны.

Их было двое, двое слишком разных.
И в то же время двое, столь похожих.
Но образ той эпохи несуразной
Их волей и талантом подытожен.

* * *

Валентину Устинову

Есть новости — от них спасенья нет…
Ты навсегда ушел… И пепел
Всех недокуренных тобою сигарет,
С небес, как снег, летит, крылат и светел.

О чем мечтал ты в двадцать лет, отец?
О доблестях, о подвигах, о славе?
Ты теплоту остуженных сердец
Будил, я осуждать тебя не вправе

За то, что был ты от меня далек.
За то, что ты не знал мои печали.
Что от разлуки долгой ты продрог
И счастлив был в разлуке той едва ли.

И за стихи, что ты не дописал,
И за любовь, не ставшую судьбою.
За те слова, что ты мне не сказал,
За женщин, недолюбленных тобою.

ПУСТОЦВЕТ

Ответь мне — неужели, неужели
Вокруг тебя намека нет на свет?..
Ужель глаза, что светом пламенели,
Теперь погасли, словно пустоцвет?..

Ты в полдень не отбрасываешь тени…
А в полночь ты на горестной земле
Лежишь один, обняв свои колени
Ребенком, кем-то брошенным во мгле.

Ты моего прощения не чаешь,
Совсем один оставшись на земле…
…Но на исходе сумрачной печали
Я солнцем вспыхну на твоем челе.

ЖБОНЬ

Переступишь порог в мертвом свете луны,
Игнорируя шепоты странных видений…
Слыша стон половицы на дне тишины,
Ты вступил в Запанской[1], в этом нету сомнений.

Эту гавань покинули все корабли.
Лишь немая Самарка струит одиноко
Те преданья, что здесь навсегда полегли,
Испокон зуб за зуб здесь и око за око.

На съеденье безвестности ты обречен.
Тлеет сердце в груди, покрываясь золою.
Эту жизнь и эпоху мы жбонью зовем.
Впрочем, чем мы отличны от жбони с тобою?

БАЮН

Расскажи нам, кот Баюн,
Только без утаек,
Почему ты вечно юн —
Житель сказок-баек.
Вроде сиднем не сидишь,
Ходишь влево, вправо.
Но при этом дорожишь
Русскою державой.
Русской розни не избыть
Гневом трехэтажным…
Научи в согласье жить
Россиян-сограждан.
То направо нас ведет,
То несет налево.
Режут слух который год
Чуждые напевы.
Сколько им еще дурить
Города и веси…
Не пора ли заводить
Русской славы песни?

---

[1] Поселок Запанской — дома за железной дорогой на берегу реки Самара. Его официальное название — поселок Шмидта. Но находится он в самом конце ул. Ленинградской, то есть прямо за ней. Раньше эта улица называлась Панской. Запанской занимает едва ли не первое место в рейтинге районов города Самары, пользующихся дурной славой.

* * *

Мой дом родной, мой шлейф ребячьих грез…
Я в нем познать способна Божье благо.
Здесь зябликов порханье, шум берез,
И детворы влюбленная ватага.

Я в старенькую дверцу постучусь,
Остановлю часы — дыханье слушать.
Здесь слабой показаться не боюсь,
Очнувшись, в детство отворяю душу.

Прости меня, любимый дом родной.
Избавь от неизбежных тяжких мыслей.
Но всей энергией небесной под луной
Ты напои меня, росой в лучах умывший.